

Иван Аксаков

**По поводу книги
«Против течения» Варфоломея
Кочнева**

Иван Сергеевич Аксаков

По поводу книги «Против течения» Варфоломея Кочнева

«Есть замечательная книга, на которую наша читающая публика, а равно и журналистика мало или недостаточно обратили внимания. И напрасно. Не говоря уже о том, что книга сама по себе преисполнена животрепещущего интереса, мы имеем основание предполагать, что она прошла не совсем бесследно в некоторых высших, более или менее властных кругах нашего общества. Мы разумеем „Беседы о революции“, изложенные под общим заглавием: „Против течения“ в разговорах двух приятелей...»

**Иван Сергеевич Аксаков
По поводу книги «Против
течения» Варфоломея
Кочнева**

Есть замечательная книга, на которую наша читающая публика, а равно и журналистика мало или недовольно обратили внимания. И напрасно. Не говоря уже о том, что книга сама по себе преисполнена животрепещущего интереса, мы имеем основание предполагать, что она прошла не совсем бесследно в некоторых высших, более или менее властных кругах нашего общества. Мы разумеем «Беседы о революции», изложенные под общим заглавием: «Против течения» в разговорах двух приятелей. Они появлялись сначала в «Русском Вестнике» в течение полутора лет, а потом, несколько месяцев тому назад, вышли особым изданием в двух частях. Надобно отдать полную справедливость автору, скрывающемуся под псевдонимом Варфоломея Кочнева: его труд заслуживает прочтения даже после книг о французской революции Тэна и представляет новое, вполне самостоятельное исследование – не самой революции 1789 г., а времени, ей непосредственно предшествовавшего, того предреволюционного периода – периода либеральных иллюзий власти и общества – который, с целью предот-

вратить революцию, напротив, уготовил ей, как бы с особенною старательностью, торный, широкий путь. Автор очень искусно и талантливо разработал свою тему по подлинным источникам, собрал много данных и ярко осветил для читателя именно то, что и хотел ему показать: постепенное падение авторитета королевской власти прежде всего в ее собственном, а потом и в общественном сознании и постепенное «перемещение власти от короля и аристократии к интеллигентному разночинству», или к так называемой «Нации». Но главный интерес книги г. Кочнева не в характеристике французского предреволюционного периода, а в параллельной характеристике *нашей* собственной общественной, так сказать, политической жизни за последние ближайшие годы. Не судьба Франции занимает его, а судьба России.

Изучение времени, предшествовавшего знаменитой революции, предпринято им с целью извлечь из уроков французской истории спасительные предостережения, наставления и указания для русской власти и для русского общества. В этом и заключается су-

щественное, серьезное, важное значение книги. Автор вовсе и не скрывает своего умысла. «Ты догадываешься, – говорит он своему другу, – по какой причине стараюсь я особенно внимательно остановиться на разъяснении неизбежности революции вследствие шага, сделанного французским правительством в 1787 г. Мы только что пережили исторический момент, представляющий некоторое сходство с тем, какой решил судьбу королевской власти во Франции. К счастью, Провидение хотело, чтоб исход правительственного решения у нас был другой». Затем автор резкими чертами, на четырех страницах, изображает деятельность правительства и общественное движение в России за «тринадцать месяцев умиротворения», завершившихся событием 1 марта, и заканчивает свой очерк словами: «Промысл Божий спас нас от шага, который, при современных условиях, мог бы быть роковым, как было роковым сознание нотаблей во Франции в условиях 1787 г.» (стр. 25–29, ч. II). Затем и во многих других местах своего труда автор возвращается к сравнению с Россией и к поучительным,

по его мнению, указаниям...

Не подлежит сомнению, что все эти рассуждения и доводы способны произвести сильное впечатление на читателя, плохо вооруженного знанием русской истории и действительных, можно сказать, *сокрытых* условий нашей государственной крепости и правительственной силы. И конечно, если именно *их*, эти условия, упустить из виду, то есть упустить из виду *Россию* и ограничить свой кругозор Петербургом, или петербургскою канцеляриею и «интеллигенциею» нескольких городов, то нельзя не поразиться внешним сходством французских и русских явлений. Но это сходство именно только внешнее. Главное же дело в том, что Россия вовсе не заключается в Петербурге, держится вовсе не канцеляриею, выражается вовсе не тою «интеллигенциею», которая на все лады, громкие и тихие, бравурные и умильные, проповедует «правовой», на иностранный манер порядок, а держится она *подспудною земскою силой*, служащею источником и оплотом государственной власти, коренящеюся в стихийном инстинкте народных масс и лишь *отчасти* в

сознании общественных классов: полного, искреннего, всестороннего выражения эта земская сила, можно сказать, почти лишена в нашей литературе и остается малознаемой даже и до сих пор. Г. Варфоломей Кочнев также знаком с нею мало. В своих исследованиях он руководится той господствующей у наших ученых системою «сравнительно исторического метода», которая обращает преимущественное внимание на *сходство*, а не на *различие* сравниваемого. Он совершенно забывает, даже не понимает о каких-либо самостоятельных особенностях нашей страны. У него что Россия, что Франция – это все равно, тогда как не только Россия не одно и то же, что Франция, но и другие государства той же Западной Европы, хоть бы, например, Англия, не подходят под одно с Францией мерило: одинаковые причины, одинаковые либеральные законы производят в обеих странах различное действие, сообразно различию народного темперамента, нравов и других местных и исторических условий. И во Франции есть народ, и в России – народ, это несомненно: народ, да не тот.

Во Франции на него нельзя опереться: он не более как страдательный материал в руках господствующей политической партии или смелого проходимца. В России он – центр тяжести всего нашего государственного бытия («тяга земли», по выражению народных былин), главный исторический фактор, направляющий *основное* течение нашей исторической жизни, хотя конечно и не способный ни предупредить ее временные кривоблуждания, ни формулировать, в отвлеченной форме, своего политического мирозерцания; хотя и не выступающий ни в какой активной политической роли, за исключением лишь величайших мгновений своей истории...

«Отчего Франция так слабо защищалась в последнюю войну свою с немцами?» – спросили мы одного умного французского публициста, посетившего Москву прошлой зимой... «Оттого, что нам не удалось возжечь у себя войны в полном значении слова *народной*, подобной вашей русской защите против нас же, французов, в 1812 г.», – был ответ. «А не удалось этого нам, – продолжал отвечать он на наши расспросы, – по *недостатку пат-*

риотизма в народе. А недостаток патриотизма происходит оттого, что *народ* – в тесном смысле этого именованья – у нас ничего не значит. Хотя мы уже почти сто лет как провозгласили принцип народного верховенства (*la souverainete du peuple*) и в силу наших конституций управляем страню посредством народных представителей и издаем законы „во имя народа“, – но в сущности, в наше понятие о *народе* входит только одно городское население, а не сельское. То громадное большинство, которое собственно и есть народ, нами было пренебрежено (*negligee*) до такой степени, что оно даже отвыкло почитать дело Франции *своим* делом, а приучилось почитать его делом исключительно *парижских* властей, так что и защиту Франции признавало обязанностью не своею, а только правительства. Таким образом, когда нам стало потребно опереться на действительную силу народа, *настоящего* народа, а не только того, что под этим именем, или под именем „нации“ красуется в наших палатах, этой силы у нас в наличности и не оказалось... Но мы не теряем надежды это исправить, – прибавил

самоуверенно чистосердечный француз, – мы намерены учредить нечто вроде франкмасонства для подъема патриотического духа (une espece de franc-maconnerie pour relever l'esprit patriotique)» и т. д. Желая искренно французам успеха в этих искусственных мерах для подъема патриотического духа в целом народе, спрашиваем всякого: таков ли народ у нас, в России? Таковым ли он показал себя в ниспосланных России испытаниях? И к одной ли защитительной народной войне (в которой отличилась в начале нашего века и Испания) явил он себя способным? Слава Богу, у нас есть свидетельство истории, такой ее эпизод, которому ничего подобного, по объему и значению непосредственного *народного* действия, не представляет история ни одной страны, – эпизод относительно недавний. Читатели догадываются, конечно, что мы разумеем эпоху смуты или междуцарствия.

Все государство, по выражению историка Соловьева, разбилось вдребезги; дело дошло до самых нижних слоев, ибо все, что было поверх народных масс, не представляло никакой точки опоры. И вот народ – уже не в фи-

гурном, риторическом смысле слова, а настоящий простой народ – восстал... под руководством мясника, не для бунта, грабежа, земельных и иных захватов, а для водворения вновь тишины, Божьей правды и государственного наряда. Он поклялся прогнать всех «чужих и своих воров», а затем уж поставить и царя, потому-де, что не можно нам «безгосударным быти». Он сослался грамотами со всеми городами, со всею землею (грех, великий грех тем преподавателям русской истории, которые не заставляют своих учеников читать эти чудесные грамоты, и не только читать, – наизусть учить!). И так как наш народ был всегда, как и теперь, чужд узкого сословного духа и уважал земский, народный и христианский дух и в людях иных, высших сословий, то и избрал вождем народной рати князя Пожарского, придав ему выборного от всей земли, мясника Козьму Минина. Известно, как шествовал потом Пожарский с Мининым и народным ополчением в Москву, как были разбиты поляки, как собрался великий Земский Собор, избрал и поставил на царство родоначальника ныне благополучно царствующего дома

Романовых, как спас Россию от боярской конституции, как ревниво ограждал права несовершеннолетнего самодержца, пока не укрепилась власть его прочно, – и как затем, по выражению Хомякова, народ пошел в *отставку* из своей политической случайной службы и возвратился к своим мирным сельским и промышленным занятиям...

«Все это давным-давно известно», – прервут нас с досадой. Конечно, известно, если допрашивать каждого, как школьника на экзамене, но в том-то и дело, что все это постоянно вываливается из нашей памяти, не коренится в ней как живое знание, озаряющее для нас исторический строй русской жизни, и всегда как-то ускользает из соображения при современных наших суждениях о народе. А между тем ведь каждый, если попытает свою совесть, должен будет поневоле признать, что наш народ таков же и теперь, как в 1612 году, когда он проявил не только отрицательную и разрушительную, но положительную и зиждительную свою силу; что душа народа все та же; что ни политическое, ни бытовое его созерцание не переменилось; что он точно

так же готов и теперь восстать на поддержание того исторического принципа власти, которого действие восстановил он два века тому назад; что он точно так же и теперь не потерпел бы ни боярской, ни иной конституции, перемещающей центр власти от царя в какое-нибудь сословие, корпорацию или учреждение с случайным большинством голосов, не променяет «власти по историческому праву» (как выражается г. Кочнев) ни на чье иное господство: сам он «господствовать» не желает, ибо в простой мудрости своей ведаёт, что государствовать не есть призвание народа и что «принцип народного верховенства» сулит лишь господство «лженарода», то есть для настоящего народа – рабство. Народ по-прежнему видит для себя в царе залог правосудного равенства, государственного, на широкой земской основе зиждущегося строя, – залог союзности и цельности всей пространной русской земли и дальнейшего органического развития своих сил и самобытных сторон своего духа. Он пребывает верен этим упованиям несмотря на все искушения, которые воздвигала ему, в разное время, по-

лицейско-бюрократическая система, одновременно с утратой исторических преданий в правящих сферах. Обманется ли он в своих упованиях? Нет, конечно, каких бы помех ни полагали ему недалёковидные оберегатели власти и столь же недалёковидные у нас поклонники заграничных «правовых» порядков и разных радикальных доктрин. В самом деле, какой иностранной трухой должны быть набиты головы и сердца наших мнимых консерваторов и мнимых либералов для того, чтобы – как «консерваторы» – не уметь ценить, с точки зрения власти, оплот народного чувства, мысли и воли! Искать для русской власти опоры не в непосредственном единении с русским народом, а в усилении той полицейско-бюрократической системы, в которой можно генеалогически указать первоначальную причину всех удручающих нас современных зол! Или же как вторые, то есть «либералы» и «радикалы», с постыдным невежеством отрицать народную самобытность в сфере политической (это в виду истории смутного времени!) и признавать народ за покорный сосуд, в который можно вложить лю-

бую иностранную конституцию, да еще заправленную на безверии, на материализме и на прочих новейших радикальных *измах!* Ни те, ни другие, ни даже сам Варфоломей Кочнев в своих применительных к России выводах из истории французской революции – не примечают у нас – *слона* – именно целых 80 % всего населения России, то есть ту многомиллионную массу, которая может быть сравнена у нас, по своему охранительному историческому духу, с английской аристократической партией *тори*; которая, как свидетельствует история, не только инстинктивно, но иногда и сознательно исповедует исторический принцип власти и умеет даже грозно заявлять о том в случае надобности! Мало того, почти все эти 80 % у нас – землевладельцы, а не пролетарии, как миллионы рабочих в Англии или как низшие классы в Ирландии, Германии и других странах.

Французская революция – явление французской истории. Если бы королевская власть заблаговременно отменила средневековые привилегии дворянства, унижительные и разорительные для крестьянского населения, а

равно и разные другие местные, средневековые же провинциальные привилегии, – революции было бы тогда гораздо меньше работы; по крайней мере перемена старого режима на новый не была бы так всесторонняя и радикальна и король, может быть, нашел бы себе опору в народе. Но г. Кочнев, исчисляя разные ошибки власти, заключавшиеся, по его мнению, в предупредительной уступчивости «общественному мнению» и «разночинной» интеллигенции, возведенной самим же правительством в организованное сословие, tiers-état, не указывает, однако же, на ошибки более существенные и на причины революции самые реальные, – именно на сохранение властью самых дурных сторон старого режима. Русский же народ находится совершенно в ином положении. С уничтожением крепостной зависимости и с другими реформами прошлого царствования, уничтожились у нас всякие сословные привилегии, и крестьянин теперь на Руси de jure такой же полноправный и равноправный гражданин, как и люди других сословий; с возвещенною же нашим настоящим правительством и уже отчасти

приводимой в исполнение отменой подушной подати, равно и паспортной системы, исчезнут и последние следы прежней неравноправности. При этом же народ сохраняет и свое исконное мирское управление, признанное теперь и законом. Для чего мы все это перечисляем и напоминаем? Для того, чтоб показать всю неизмеримую разницу условий, в которых находится современная русская власть сравнительно с королевскою французскою властью в дореволюционный период, а следовательно, и всю неосновательность выводов г. Варфоломея Кочнева. При тех реальных, действительных условиях могущественнейшей в мире силы, которыми обладает русская власть, ей, слава Богу, нечего пугаться призрака не только революции, который постоянно выдвигает пред нею г. Кочнев, а можно смело преисполниться *действенной* веры в себя и доверия к своему народу. Имея за собою такой народ, каков русский, власти остается только заботиться о том, чтобы самой не удаляться от своего народа и держаться того народного направления во внутренней политике, которого знамя по крайней мере было

поставлено при недавно сменившемся министре внутренних дел. Русская верховная власть, опираясь на русский народ, может многое сметь и дерзать, чего не могла сметь королевская власть во Франции, на что дерзнет и не всякая современная верховная власть в Европе (хоть бы самое освобождение у нас крестьян и наделение их землею!)... А между тем выводы г. Кочнева способны произвести как раз обратное действие и смутить благотворную правительственную деятельность постоянным боязливым опасением: как бы такая или иная мера не показалась слабостью, уступкою «общественному мнению» или пожалуй печати, если только печать имела несчастье упомянуть о ней прежде!.. Г. Кочнев, безусловно, прав, когда он предостерегает против уступок нашему мнимо-либеральному западничеству с его иностранными конституционными идеалами, но автору следовало бы вместе с сим установить и критерий для распознавания лживых требований от потребностей действительных, – воззрений, народу совсем чуждых, от воззрений, основанных на наших народных началах.

Между тем проповедь г. Кочнева и его единомышленников старается вызвать в правительстве сознание его мощи лишь репрессивной, а не зиждительной, и обличая мнимость всех этих «сил», каковыми выставлялись крамола, нигилизм и пр., в то же время не дает правительству сознания истинной силы, – силы положительной, а окружает его тучею новых ошибочных страхов. Это все те же призраки, которые, по-видимому, только что разогнаны, но лишь с другой стороны.

Недостойный страх нигилизма, например, у г. Кочнева превращается едва ли в более достойный *страх*: учинить что-либо такое, что может показаться уступкою нигилизму! Конечно, мы можем быть уверены, что наше правительство не последует его внушениям, но если б его точка зрения была принята, она могла бы в применении на практике оказаться не раз опасною. Так, например, автор «Бесед о революции», мужественно решившись идти «против течения», причисляет к признакам революционным или к действиям королевской слабости введенное Людовиком XVI, еще задолго до революции (в 1774 г.), в изда-

ваемые им декреты, объяснение причин, или так называемую мотивировку повелеваемой меры. Вольтер имел неосторожность превознести похвалами такое распоряжение власти и тем заподозрил его в глазах нашего автора. Но ведь Вольтер похвалил основательно? Но ведь едва ли г. Кочнев и сам осудит в принципе подобное разъяснение правительством своих указов, устраняющее в подданных недоумение; никогда ни для какой власти не желанное? Следует ли, страха ради уступки революционному или еще просто «либеральному» течению, воздерживаться от распоряжения вполне по себе разумного?.. Точно так же заподозрен г. Кочневым и его единомышленниками призыв... *экспертов* или сведущих людей, ибо он напоминает-де *призыв нотаблей* в 1787 г., а этот-де призыв был роковым ударом для власти! Вот подивился бы такому суждению царь Алексей Михайлович, призывавший торговых людей на совет при написании торгового устава, или царь Федор Алексеевич, спросившийся специального мнения служилых людей по вопросу об уничтожении местничества! Да неужели наши

эксперты, призванные в разное время правительством для подачи отзывов о подготовленных министерскими канцеляриями проектах понижения выкупных платежей, правил о питейной торговле и о крестьянских переселениях, напоминают собою французских нотаблей 1787 г.? Неужели русское правительство должно на будущее время, опасения ради прослыть либеральным, не выслушивать живых, устных замечаний людей местных, людей-специалистов, по вопросам, касающимся их местности или специальности, а довольствоваться всезнанием канцелярии и ее бюрократическою вездесущностью?! Даже князь Бисмарк, и тот учредил себе в помощь народнохозяйственный совет из сведущих, по выбору правительства, людей и даже в пику парламенту! Да, плохую услугу оказал бы г. Кочнев и правительству, и России, если б его точка зрения была безусловно усвоена. Какую перспективу будущего представляет он нам? Правительство, добровольно лишаящее себя нужных сведений и вообще содействия умственных сил страны в делах, этим силам наиболее подручных, и ограничивающее себя

содействием одной канцелярии, вполне обличившейся в своей совершенной несостоятельности! К чему ведет совет автора, как не к усилению бюрократической системы, как не к возбуждению в правительстве страха оказать слабость или уступку, страха, недостойного власти, сознающей или обязанной сознавать *действительные условия* своей силы?!

Если что нужно раскрывать нашему правительству, так именно эти *условия истинной силы*. Только познавши их сущность и характер, освободится оно не только от положительных революционных призраков, на которые указывает составитель упомянутой нами книги, но и от всяких иных, столь же лживых пугал консервативно-отрицательного мышления. Стоит только сойти с почвы народно-исторической, упустить из виду центр тяжести русской государственной жизни, представляемый русским народом, — и отовсюду пойдут мерещиться разные страшные чудища! Стоит лишь, наоборот, смело стать на эту почву и от бюрократического режима идти к восстановлению нам единственно свойственного, естественного, земско-госу-

дарственного строя – и одно за другим сокро-
ются чудища!..